

Чи Юэ оттащил бедолагу в какой-то безлюдный закоулок и там оставил. Лишившись телесной оболочки, он мгновенно вернулся в привычное состояние — стал невидимым и недостижимым для взоров простых смертных.

Мо Хань, хоть и корчил из себя уличного раздолбая, в душе оставался парнем отзывчивым. Он всерьез беспокоился, как бы этот придурок А-Лан, очнувшись и вернувшись в свое логово, не схлопотал от подельников за сегодняшнее фиаско. А то и вовсе сживут со свету ни за что ни про что.

Чи Юэ прекрасно понимал, что его сокровище принимает все близко к сердцу, а потому заговорил совсем о другом, уводя его от этих мыслей:

— Да на этих ублюдках клейма ставить негде, сколько чужой крови они пролили! Жалко его? Некогда их жалеть. Ты хоть знаешь, чем они живут? Грабежи, разбой, поножовщина. Сейчас общество только с виду цивилизованное, а подворотни как были темными, так и остались, солнце туда не заглядывает. Выброси из головы, только нервы зря тратишь.

Мо Хань и сам все прекрасно понимал. В приюте «Красный клён» он насмотрелся на изнанку жизни. В первые годы после открытия детей там было десятка два, но постепенно их становилось все меньше — пока не осталось от силы человек пять. Остальные просто растворились в небытии.

— И все равно... — не унимался Мо Хань. — Получается, если он копыта отбросит, это на моей совести? Я ведь приложил к этому руку...

Чи Юэ легонько щелкнул его по лбу:

— А если бы ты его не уложил, он бы тебя пришиб. Голову всякой чушью забиваешь. Ты мой, понял? И я тебя никому в обиду не дам. Да хоть бы я сам сдох, хоть бы против меня весь мир ополчился, я тебя, блядь, из-под земли достану и защищу.

Мо Хань потер лоб, сердито зыркнув на него — вечно этот мертвяк силы не рассчитает:

— Ну да, конечно! Ты у нас и живой мой, и мертвый мой. Плевать на все законы мироздания, век свободы не видать — люблю тебя, братуха, по-братски!

Чи Юэ довольно ухмыльнулся:

— Вот это разговор! Эх, жили бы мы в древности, я бы тебя, паршивца, украл да сыграл бы с тобой посмертную свадьбу.

Мо Ханя передернуло от озноба. Ночью, когда вокруг сгущалась зловещая прохлада, такие шуточки звучали особенно жутко. Раньше-то он был убежденным атеистом, но с тех пор как

связался с этим покойничком, вера в материальный мир рассыпалась в прах. Хорошо еще, что Чи Юэ был своим, привычным, и страха не внушал. Повстречайся Мо Ханю на пути настоящий, чужой призрак — он бы, верно, на месте скончался от разрыва сердца, истекая кровью из всех щелей.

— Твою мать, ну и бредни у тебя в башке, — проворчал Мо Хань.

Чи Юэ вдруг бесцеремонно обхватил его лицо ладонями, зажав парня в кольцо своих рук. Мо Хань смешно сморщил свое симпатичное, точеное лицо, вытянув губы бантиком. Вид у него стал на редкость глупый и милый.

Чи Юэ, не удержавшись, звонко чмокнул его в эти самые губы и с самым серьезным видом произнес:

— Мо Хань, я люблю тебя. И пусть я мертв, я все равно буду твоим личным хранителем и лучшим козырем в рукаве. Если кто-то посмеет к тебе хоть пальцем прикоснуться... им придется сначала отправить меня на тот свет во второй раз. Но я этого не допущу.

Мо Хань редко видел его таким серьезным. В воздухе мгновенно повисла неловкость — изливать душу он никогда не умел, но этот порыв требовал хоть какого-то ответа.

— Ладно, ладно, понял я, — промямлил он. С зажатыми щеками его обычный хриловатый голос прозвучал на удивление тонко и незащищенно, точь-в-точь как у ребенка.

Чи Юэ от такой милоты окончательно потерял голову и снова поцеловал его.

— Живот сильно ноет? — заботливо спросил Чи Юэ. Тот убудок с битой приложил Мо Ханя знатно, удар вышел тяжелым.

Мо Хань уже успел позабыть о стычке, но стоило Чи Юэ напомнить, как он осторожно потрогал ребра. Прижал пальцы — и внутри отозвалось тупой болью.

— Есть немного, потягивает.

— Давай донесу на закорках, — предложил Чи Юэ.

Мо Хань посмотрел на него с явным сомнением. Для обычных прохожих призрак оставался невидимкой. Представь картину: идет себе человек по улице, и вдруг видит парня, который парит в воздухе в горизонтальном положении! Тут у любого крыша поедет.

— С ума сошел? Хочешь, чтобы я завтра во всех новостях красовался? Представляю эти кликейтные заголовки: «Шок! На улицах Города развлечений Хуэйюй парень взмыл в воздух!

Вы не поверите, что произошло дальше...»

— Да ладно тебе, — отмахнулся Чи Юэ, — на улице ни души.

— Ну уж нет, обойдусь, — отрезал Мо Хань.

— Да брось ломаться! Быстро залезай!

Искреннее беспокойство Чи Юэ за секунду превратилось в какой-то балаган в духе свидьбы Чжу Бацзе. Причем действовал он грубо и бесцеремонно. Обхватив Мо Ханя, он силой взвалил его себе на спину и, весело покачиваясь, зашагал по тротуару.

Время было детское, но прохожих почему-то почти не попадалось. Лишь тусклые оранжевые фонари тянулись бесконечной вереницей, выхватывая куски асфальта из темноты.

Мо Хань решил сразу расставить точки над «и»:

— Слышь, Чи Вэйсюань, если я завтра проснусь знаменитым, клянусь, найму самого злого даоса, и он тебя в кувшин закатает.

Чи Юэ, весьма довольный своей ношей, лишь фыркнул:

— Да все эти даосы — обычные шарлатаны. Они, как тебя увидят, сразу объявят, что в тебя вселился бес, и заставят пить воду с пеплом от сожженных амулетов. Оно тебе надо?

— Да ты...

— Молчи уж, «датыкалка». Подумаешь, муж несет жену домой, делов-то! А он уже экзорцистов вызывать собрался, умора. Я прямо вижу эту картину: приходит этот твой колдун, а я его до икоты пугаю, так что он пятками сверкает.

«Господи, Чи Вэйсюань, у тебя не рожа, а бронеплита танковая. Такую даже крупным калибром не прошибешь».

Переругиваясь вполголоса, они неспешно плелись к остановке. Одинокие фонари лениво провожали их взглядом, отбрасывая на дорогу одну-единственную, весьма причудливую тень.

Днем Мо Хань поспать не успел, и теперь навалилась свинцовая усталость. Прикрыв глаза, он безвольно лежал на широком плече Чи Юэ, как вдруг сквозь полудрему заметил, что навстречу им кто-то бредет.

Этот прохожий двигался странными зигзагами, качаясь из стороны в сторону, словно маятник.

— Твар-рь... — донеслось до них пьяное бормотание. — Шлюха драная... Думает, раз я бабу не бью, так мне можно на шею сесть? Ик! Да я просто интеллигентный человек, связываться не хочу! Кого я вообще в этой жизни боялся? Тьфу на тебя... Ик! Да я... да я самого черта встречу — башку оторву, бога встречу — убью... Э-э-э?

Его взгляд затуманился, перед глазами все плыло, словно сквозь грязное стекло. Но сквозь эту пелену он вдруг различил нечто из ряда вон выходящее.

Кажется... впереди прямо по воздуху летел человек?

Бедолага замотал головой, пытаясь прогнать наваждение, протер кулаками глаза и уставился вперед.

Матушка родная! Привидение!

— А-а-а-а! Мама! — взвыл пьянчуга. — Что это за хрень?! Господи, я же просто пошутил, зачем сразу так-то?!

Чи Юэ едва сдерживал смех. Надо же, только что хорохорился, чертей грозился резать, а теперь улепетывает, роняя тапки. Ссыкло!

Мужик, спотыкаясь и падая в дорожную пыль, припустил прочь от этого кошмарного места на четырех костях.

Мо Хань мысленно попросил у бедняги прощения — опять они нанесли кому-то тяжелую психологическую травму.

После такого конфуза оставаться на спине Чи Юэ было уже верхом неприличия. Спрыгнув на землю, Мо Хань решительно прибавил шагу, бросив черепаший темп. До остановки он практически долетел, благополучно дождался полупустого автобуса и наконец поехал домой.

Сойдя на своей остановке, Мо Хань первым делом свернул к ветеринарной клинике, чтобы проведать спасенного пса.

На входе звякнул колокольчик. За стойкой сидел все тот же парень-ассистент с дурацкой повязкой на лбу. Он лениво листал какую-то книгу, зажав в зубах палочку от чупа-чупса.

Заслышав шаги, ассистент поднял голову и широко улыбнулся:

— О, явился! А я уж думал, ты про нас забыл.

— Хм, помнишь меня? — удивился Мо Хань.

Парень небрежным жестом откинул с глаз длинную челку:

— А то! У меня на лица память отменная, я только симпатичных парней да девчонок запоминаю. Так что гордись, ты прошел мой жесткий фейс-контроль.

Мо Хань от такой непосредственности даже бровью повел. «Ну и тип...»

Тем временем ассистент деловито вытащил из-под стойки платежный терминал и постучал по нему пальцем:

— Ну что, картой или наличными?

Спорить было бесполезно — этот малый явно далеко пойдет. Мо Хань молча достал карту и приложил к экрану.

Парень шустро провел транзакцию, вернул пластик и подмигнул:

— Секунду, сейчас принесу твое пушистое чудо.

Пока тот ходил в подсобку, Чи Юэ подал голос:

— Сразу видно, учили пацана хорошему, да только выросло то, что выросло. Прическа растрепанная, манеры дворовые — ну какой из него спаситель братьев наших меньших? Никакого благородства в облике. Чистое недоразумение.

— Да ладно тебе, сейчас у молодежи так модно, — мысленно ответил Мо Хань. — Говорят, девчонки от таких плохишей без ума.

В выпускном классе ребята, конечно, вели себя потише, но вот годом ранее половина его школы ходила именно в таком виде. У них это называлось «стилем».

Чи Юэ недоверчиво хмыкнул:

— И что в этом крутого? Совсем у нынешней шпаны мозги набекрень, мы в их годы другими были.

— Ой, чья бы корова мычала, — мысленно усмехнулся Мо Хань. — Твои-то мысли известны: пришел, увидел, оприходовал! Думаешь, все вокруг такие же озабоченные кобели, готовые на любую юбку прыгать?

Чи Юэ снисходительно-покровительственным тоном возразил:

— Да ладно тебе, взрослые же люди, чего стесняться-то?

Мо Хань только покачал головой от такой наглости. Потрясающий тип, честное слово, редкий экземпляр.

— Отвали, я еще несовершеннолетний.

— Опа, а с кем это мы тут шепчемся? — раздался голос ассистента. Он вышел из процедурной, бережно прижимая к себе чистенького пса.

От былой зачуханной дворняги не осталось и следа. Шерстка лоснилась, распутанная и вымытая, ушки стояли торчком, а сам он любопытно озирался по сторонам умными карими глазками. Настоящий красавец, глаз не оторвать.

— Вот, забирай своего питомца. Здоров как бык!

Все-таки уход творит чудеса. Встретишь на улице — ни за что бы не поверил, что этот чистенький пес пару дней назад подыхал в грязи.

— Неужели это он? — Мо Хань осторожно принял собаку на руки. — Надо же, какой красивый...

— Да они все милахи, когда отмоешь, — улыбнулся ассистент.

Пес вел себя на редкость смирно: доверчиво прижался к груди Мо Ханя, прищурил глазки и забавно высунул розовый язычок, словно улыбаясь. Не зря их зовут собаками-улыбаками.

— Спасибо вам большое, — искренне поблагодарил парень.

— Да пустяки, — отмахнулся тот. — Будут проблемы — заходи, всегда поможем.

Мо Хань ласково почесал пса под пушистым подбородком, отчего тот довольно зажмурился.

Еще раз попрощавшись, он направился к выходу, как вдруг ассистент окликнул его:

— Слышь, парень, постой-ка.

Мо Хань обернулся:

— Что-то не так?

Парень молча подошел ближе, обошел его кругом, разглядывая с ног до головы с таким видом, словно перед ним сидел говорящий шимпанзе. Наконец пожал плечами:

— Да нет, забей. Иди.

Мо Хань только плечами пожал — чудной какой-то малый. Наверное, переработал.

Стоило двери закрыться, ассистент задумчиво почесал затылок: «Странно... А с кем он тогда разговаривал, пока меня не было?»

Дорога до приюта много времени не заняла. По пути Мо Хань, прижимая к себе пса, заговорщицки шептал ему на ухо, точно несмышленому ребенку:

— Так, дружище, слушай сюда. Когда будем заходить на территорию, чтоб ни звука мне! Подашь голос — и снова окажешься на теплотрассе, понял?

В «Красном клёне» вообще-то жила собака, но то был личный волкодав директора приюта. Тварь носилась где вздумается, и никто ей слова сказать не смел. А вот чужую шавку, если найдут, вышвырнут за ворота в ту же секунду без лишних разговоров. В приюте с этим строго: держать домашних животных воспитанникам запрещалось категорически.

Конечно, песик был еще совсем небольшим, и спрятать его в комнате не составило бы труда, но это дело десятое. Сначала нужно было как-то протащить его мимо вахты.

Возле самых ворот Мо Хань на ходу скинул куртку и бережно обмотал ею пса, превратив его в бесформенный сверток. На проходной, как назло, дежурил старый сторож.

— О, Сяо Хань вернулся, — приветливо кивнул дед.

— Угу, вернулся, — как можно небрежнее отозвался Мо Хань, поудобнее перехватывая сверток под мышкой.

— А чего это ты скрючился весь, да еще и без куртки? — подозрительно прищурился сторож.

Мо Хань, не моргнув и глазом, выпалил:

— Да знобит что-то. Продуло. — И, не дожидаясь расспросов, шмыгнул мимо него во двор.

Старик, видать, совсем уже заговаривался к старости. Он лишь крикнул вслед:

— Ну так одеваться надо теплее, чахоточный!

— Понял, спасибо! — донеслось уже издалека.

Какое, к черту, «продуло»? На дворе середина мая, жара стоит невыносимая!

<http://bllate.org/book/19807/2038402>